

© 2011

И. Р. Ахмедов

НАХОДКА МЕДАЛЬОНА СЕПТИМИЯ СЕВЕРА НА Р. ОКЕ

Статья посвящена находке в погребении 525 могильника Борок 2 (Шиловский р-н Рязанской области) бронзового римского медальона императора Септимия Севера. Он относится к медальонам, производившимся в 194–196 гг. Некрополь принадлежит рязано-окским финнам, жившим на рязанском течении Оки в III — первой половине VII в. н.э. Инвентарь погребения свидетельствует том, что захороненный мужчина обладал максимально высоким для иерархической структуры местного населения социальным статусом. Найденный медальон, несомненно, являлся предметом престижа. Такая находка впервые встречена в лесной зоне Центральной России. Наряду с другими престижными украшениями, оружием, конской уздай она свидетельствует о знакомстве местного населения с идеями «Imitatio Imperii», ярко представленными в культуре населения Центральной и Западной Европы в эпоху Великого Переселения и в раннем средневековье.

Ключевые слова: Рим, медальон, Септимий Север, финны.

Находки римских монет на территориях, занятых в западной части Среднего Поволжья в позднеимперское время поволжскими финнами, чрезвычайно редки и исчисляются единицами¹. Именно поэтому представляется чрезвычайно важным привлечение интереса специалистов по римской нумизматике к новым открытиям, сделанным в этом регионе.

К ним относится, в том числе, и уникальная для этой территории находка римского медальона, обнаруженного в богатом погребении рязано-окских финнов в могильнике Борок 2, расположенном в Шиловском районе Рязанской области. Это захоронение было исследовано директором Шиловского центра народного творчества А. Н. Гавриловым и директором Шиловского народного музея А. П. Гавриловым при разрушении памятника во время строительства дороги Шилово-Касимов. В настоящий момент комплекс находится в фондах и на экспозиции Шиловского районного народного музея (рис. 1)².

Медальон изготовлен из желтого металла, предположительно из бронзы с высоким содержанием олова. Диаметр его составляет 2,8–2,9 см, он спаян из двух одинаковых половинок таким образом, что с обеих сторон располагается изобра-

Ахмедов Илья Рафаэлевич — научный сотрудник первой категории отдела археологических памятников Государственного Исторического музея. E-mail: i_akhmedov@mail.ru

¹ Кропоткин 1961, 44, № 160; 45, №175; 46, №195; 48, №242, №163, 167, 169, 171; 40, №37, 38; Рис. 25; Ахмедов 2010а, 31.

² Автор выражает искреннюю благодарность А. Н. Гаврилову и А. П. Гаврилову, предоставившим комплекс п. 525 из могильника Борок 2 для публикации, а так же сотруднику отдела нумизматики ГИМ Е. В. Захарову за любезные консультации при подготовке статьи.

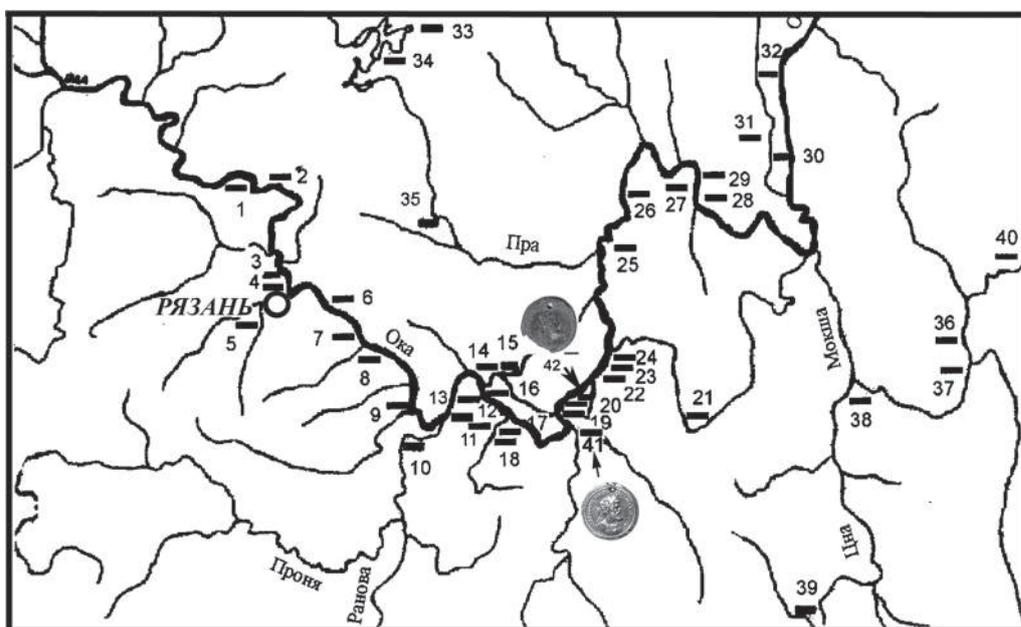

Рис. 1. Памятники рязано-окских финнов и пункты находок медальонов.

Могильники: 1 — Вакинский; 2 — Кузьминский; 3 — Фефеловский; 4 — Борковской; 5 — Дашковский; 6 — Дубровичский; 7 — Кораблинский; 8 — Гавердовский; 9 — Троице-Пеленицкий; 10 — Заречье 4; 11 — Еремеевский; 12 — Никитинский; 13 — Шатрищенский; 14 — Киструский; 15 — Дегтяновский; 16 — Облачинский; 17 — Бортниковский; 18 — Дуброво-Срезневский; 19 — Кулаковский; 20 — Ундрих; 21 — Мелеховское погребение; 22 — Тереховский; 23 — Тырновский 1; 24 — Тырновский 2; 25 — Куземкинский; 26 — Курман; 27 — Бабенское местонахождение; 28 — Поповский; 29 — Старо-Посадское погребение; 30 — Мишуковский; 31 — Фоминский; 33 — Глушицкий; 34 — Барское 2 (Шагара 5); 35 — Деулинский; 36 — Кокуй; 37 — Старокадомский; 38 — Кошибеевский; 39 — Польно-Ялтуновский; 40 — Шокшинский; 41 — Борок 2 Городище — 42 — Тереховское.

жение бюста императора вправо. Император изображен в лавровом венке с лентами и доспехе-лорике с четко выделенным прямоугольным воротом и стершимся изображением эгиды на груди. Над левым плечом виден край плаща. Вокруг изображения надпись — L SEPTIMIUS SEVERVS PERTINAX AVG I III. По краю медальона расположен точечный ободок. Над головой императора через надпись пробито сквозное отверстие, над которым на каждой из сторон прослеживаются треугольные углубления, вероятно, образовавшиеся в процессе ношения медальона. Поверхность изображения сильно потерта, что указывает на длительное время использования медальона (цв. вклейка № 2, 1).

Подробная нумизматическая атрибуция этого предмета является задачей специалистов, поэтому ограничусь лишь некоторыми замечаниями.

Все известные автору аналоги находятся среди медальонов, изготовленных в начале правления Септимия Севера после избрания его императором в 193 г. н.э. и до 196 г.н.э., когда после триумфального возвращения в Рим он провозглашает своего сына Каракаллу соправителем. После этого события на медальо-

нах и монетах наряду с когноменом PERTINAX в имени императора начинается использование имени императора Марка Аврелия в качестве «божественного» отца Септимия Севера. После второго парфянского похода 200 г. когномен PERTINAX больше не употребляется.

Наиболее близки рассматриваемому по характеру легенды и изображению медальоны с титулами IMP III, V и IMP VII³, чеканившиеся в 194–195 гг. в Риме. Медальоны с титулами IMP III выпускались в 194 г. н. э.. К примеру, медальон из собрания Лео Бенца с изображением Виктории с венком и пальмовой ветвью на реверсе, был изготовлен после четвертой императорской аккламации Септимия Севера по случаю победы над Песценнием Нигером в феврале 194 г. Другие три сюжета с этим числом на реверсах медальонов представляют собой изображение Марса, сцену обращения императора к войскам и композицию из обнаженных фигур Геракла и Бахуса. Последний сюжет отсылает к божествам, особо почитаемым в Лептис Магна — родном городе как Септимия Севера, так и другого его соправителя — противника в борьбе за престол Клода Альбина, потерпевшего поражение в 197 г. (рис. 3, 1–4; 4, 1–2).

Тип изображения императора на аверсах медальонов находит полное соответствие в скульптурном портрете Септимия Севера из собрания Ватикана. Стертое изображение на доспехе представляет личину Медузы Горгоны, которая также есть и на бюсте Септимия Севера из этого собрания (рис. 4, 1)⁴.

Истоками подобной иконографии являются официальные портреты императоров в качестве полководцев-победителей эпохи Антонинов, скульптурные и в мелкой пластике. Этот тип изображения появляется на больших медальонах Адриана, на доспехе которого маска Горгоны отсутствует; особенно часто встречается на медальонах Марка Аврелия, где иногда бюст императора развернут влево; на медальонах Коммода эгида — личина Медузы Горгоны так же отсутствует⁵. Вероятно, использование на нашем медальоне типа изображения, восходящего к медальонам Марка Аврелия, можно рассматривать как косвенное указание на Септимия Севера в качестве преемника великого императора.

В то же время между рассмотренными выше медальонами и находкой из Борка 2 есть различия. Диаметры указанных медальонов колеблются в диапазоне от 38 до 43 мм, они относятся к разряду «больших» медальонов. Рязанский экземпляр меньше их почти на 10 мм, он входит в категорию «малых» медальонов. На близость к ней указывает и соотношение размеров надписи и изображения. Видимо, относительно более крупное написание букв не позволило мастеру поместить в титулатуру сокращение IMP, обязательное для указанных выше аналогов. Он передал его одной буквой I, после которой следует небольшой пробел и стоит цифра III. Пока это единственный известный нам случай. Лишь на одном из ме-

³ В 194 г. н.э. Септимий Север получил титул императора во 2-й, 3-й и 4-й разы (на монетах и медальонах, соответственно, помещались IMP II, IMP III и IMP IIII). В 195 г. он помещал на монетах и медальонах титулы IMP V, IMP VI, IMP VII (см.: RIC IV/I, 54). Следовательно, публикуемый медальон датируется 194 г. н.э. — прим. гл. редактора.

⁴ Cohen 1930, 1–2, 16, 18, № 121, 132; Gneccchi 1912, II, 74–76, taf. 92, 10; 93, 1, 5, 8; 94, 4; Bastien 1994, 19, pl. 75, 1; Lanz 2000: 9, № 36; Frœener 1878, 154, 156.

⁵ Gneccchi 1912, II, 6, 10, 16–18, 22, 28, 30–31, 33–34, 37; taf. 39, 8; 45, 1; 50, 6; 52, 7; 55, 3, 5; 59, 10; 61, 2, 10; 62, 9; 64, 5, 7; 66, 6; 71, 1; 86, 1, 9, 10; 88, 7; 89, 1.; Kent, Obeveck, Stylow 1973; taf. 345, 367; Абрамзон 1995, 184–190, илл. 20.

дальонов Септимия Севера с другим типом изображения — голова императора в венке — присутствует легенда *L SEPT SEV PERT AVG IMP III*⁶.

Отсутствие полной титулатуры достаточно характерно именно для малых медальонов. В частности, на нескольких медальонах Септимия Севера встречены легенды: *L SEPT SEVERVS PIVS AVG*, *L SEPTIMVS SEVERVS PERTINAX AVG* и другие варианты. На большом медальоне 195 г. этого же императора титулатура также сокращена — *L SEPTIMVS SEVERVS PERTINAX AVG PIVS*⁷; но во всех этих случаях *IMP* отсутствует.

Таким образом, по сочетанию типа изображения, легенды и размеров медальон из могильника Борок 2 следует считать редким вариантом медальонов императора Септимия Севера.

Погребение, откуда происходит медальон, было совершено по обычному для рязано-окских финнов обряду труположения в грунтовой яме с отвесными стенами. Часть ее в области ног была разрушена. Костяк погребенного лежал вытянуто на спине (рис. 5, 1). На остатках черепа располагались бронзовые обоймы в виде стилизованных головок птиц и пряжка, входившие в состав ременной гарнитуры (рис. 5, 6). В области шеи и верхней части грудной клетки — массивная серебряная гривна с крючком в виде сегмента и крупным граненым кольцом — приемником и обычные для рязанских финнов небольшие кольцевые застежки-сюльгамы (рис. 5, 2–3, 5). Ниже найдена крупная массивная серебряная крестовидная фибула, на поясице расчищен наборный пояс, состоявший из массивной серебряной пряжки, противостоящей пластины и наконечника узкого ремня (рис. 5, 4, 8). Вся поверхность ремня покрыта серебряными выпуклыми прямоугольными накладками с крупными шпеньками с полусферическими головками. У пояса находились нож в ножнах и короткий однолезвийный меч — лангсакс с рукоятью, обернутой толстым серебряным листом, и ножнами, скрепленными серебряными пластинчатыми обоймами и серебряной прямоугольной бутеролью (рис. 5, 10–11). Здесь же найдены железная пряжка от второго пояса, и, вероятно, находившиеся в поясной сумочке железное кресало и медальон (рис. 5, 7, 9).

Детали ременной диадемы, украшенные стилизованными изображениями птиц, уже были рассмотрены автором в специальных работах. Все аналоги им сконцентрированы в древностях середины — третьей четверти V в., отождествляемых с различными группировками германцев на среднем течении Дуная (Мещ, Сигмундесберг, Виен-Леопольдау, Велика Бахта, Маритейя), на нижнем Рейне (Гондорф, Мальберг), отдельная находка известна в Южной Швеции (Сьюруп).

На территории Восточной Европы подобные детали найдены на острове Хортица, в Хмельне в Среднем Поднепровье, а также в п.5 Безводнинского могильника⁸.

Появление ременных диадем у рязано-окских финнов может быть объяснено лишь непосредственными контактами в финале гуннского времени с представителями восточногерманского населения. Переработанные в местных традициях уборы этой конструкции получают дальнейшее развитие во второй половине V в.

⁶ Cohen 1930, 13, №94.

⁷ Cohen 1930, №№ 872, 919; Gneccchi 1912, III, 39, taf.152, №6; Gneccchi 1912, II, 5, №21, taf. 91, № 9.

⁸ Ахмедов 2006, 157–164; Akhmedov 2007, 263–274.

как в среде рязано-окских финнов, так и представителей других групп поволжского населения.

Фибула относится к 12 серии рязано-окских крестовидных фибул, бытовавшей во второй половине V в. Эти фибулы являются специфической, характерной только для рязанских финнов, категорией украшений, указывающей на особое положение их владельцев. Наиболее ранние экземпляры появляются в конце IV в. Они представляют собой переработки Т-образных фибул Барбарикума. В течение V в. эти фибулы развиваются, увеличиваясь в размерах, отдельные образцы достигают длины 16 см, в начале VI в. выходят из обращения, лишь два экземпляра серий 86 и 96 происходят из комплексов второй половины VI — первой половины VII вв.⁹

Серебряная гривна по облику близка находкам серии золотых гривен в некрополе на Госпитальной улице в Керчи. Украшения подобных типов известны в варварских могилах в бассейне Дуная периодов D2 (Бржиза, Унтерзибенбрунн, Кестхей) и D2–D3–D3 по хронологическим разработкам Я.Тейрала для древностей Центральной Европы (Сегед-Надьсекшош и др.) и в Галлии в погребениях раннемеровингского времени (Пуан)¹⁰.

Большой интерес представляет поясной набор. Он относится к вараварским переработкам римских воинских поясов. Для них характерно присутствие на свободном конце пояса противостоящей пластины, под которой закреплялся более узкий, чем сам пояс, ремешок, которым и застегивался пояс. Поясная пряжка принадлежит к экземплярам, распространенным в странах Средиземноморья и прилегающих регионах в середине — второй половине V века. Экземпляры с В-образной массивной рамкой в центральноевропейских древностях появляются в рамках хронологического горизонта D2–D3 по Я. Тейралу (находка в Сегед-Надьсекшош). Обоймы в виде овальной коробочки воспроизводят инкрустированные обоймы пряжек средиземноморского облика, распространяющиеся в империи и у варваров в гуннское время. Цельнолитые или изготовленные из листа и пластинчатого бортика обоймы должны были подчеркивать массивность пряжки, для этой же цели изготавливались крупные граненые язычки, а головки шпеньков крепления украшались полусферическими шляпками из серебряной фольги, закрепленными на свинцово-оловянистом сплаве. Бляшки-накладки, покрывавшие ремень сплошным полем, также изготовлены из тонкой фольги, в сечении имеют форму сегмента. И форма бляшек, и полусферические накладки также имитировали массивные прототипы.

Здесь нет возможности указать все параллели этому типу поясов. В рязано-окских древностях известна целая серия пряжек этого облика, из которых наиболее близка рассматриваемой находка из погребения «вождя» на могильнике у с.Никитино (п.191). В Верхнем Поднепровье весьма близок по составу поясной набор из городища Демидовка в районе Смоленска. К этому времени относится появление пряжек с массивными рамками и крупными гранеными язычками, в отдельных случаях со стилизованной головкой животного, с прямоугольной площадкой у основания язычка, имитирующей гнездо для вставки. В некоторых

⁹ Ахмедов, Белоцерковская 1998, 105–122; Ахмедов 1998, 58–61; 2008, 7–27; 2010б, 105–137.

¹⁰ Koch, Périn 2001, kat. 8, 1, 9,1, 27,1; Bona 1991, farbtaf. 23, 24; Засецкая 1993, кат. 79аб, taf. 24; кат. 276, taf. 55.

случаях эти язычки напаиваются на бронзовую пластину, крепящую язычок на пряжке. Пряжки этих серий близки образцам европейских типов, происходящим из погребений фаз D2/D3 и D3, наиболее роскошные встречены в погребениях в Апахиде, Блучине, Турне, Бюлле, Шамбли, Лувр-ан-Паризи¹¹.

Однолезвийный меч в серебряных ножнах является статусным оружием, образцы которого хорошо известны в погребениях варварской знати¹². Этот вид клинкового оружия, часто называемый в литературе «schmalen Langsaxe», появляется в гуннское время и становится одним из наиболее распространенных в древностях Центральной и Западной Европы. На территории Восточной Европы серия таких клинков известна на черноморском побережье Кавказа, отдельная находка происходит с верхнего течения р. Дон. В памятниках западной части Среднего Поволжья также насчитывается более сорока однолезвийных мечей второй половины V — начала VI в., появление которых в составе набора оружия поволжских финнов связывается с центральноевропейскими культурными импульсами второй половины V в. Ножны меча относятся к варианту 1, характерному в погребениях рязано-окских финнов только для ранних находок — середины — третьей четверти V в.¹³

Железное кресало из рассматриваемого комплекса уникально для древностей рязанских финнов. Автору неизвестны такие находки и в ареалах других синхронных культур Центральной России. Многочисленные аналоги ему известны в памятниках Центральной Европы второй половины V — начала VI вв.¹⁴

Состав погребального инвентаря указывает на хронологическую позицию погребения в рамках середины — третьей четверти V в. и позволяет отнести его к периоду 3С, выделенному автором для мужских комплексов рязано-окских финнов. Этот период характеризуется большим количеством импортов, в первую очередь центральноевропейского облика, связанных с воинским обиходом. Появление целого массива инокультурных предметов — гривен, поясов, оружия и конского убора — связывается с непосредственным контактом местного населения с новыми группами переселенцев, появившимися в лесной зоне Центральной России после распада гуннской державы¹⁵.

При исследовании социальной структуры рязано-окских финнов выяснено, что погребение из Борка 2 является самым «богатым» из известных синхронных воинских захоронений и вместе с еще одним комплексом из округа г. Шилово (№ 124, фонды Шиловского народного музея) относится к особой, четвертой, группе воинских погребений. Эти захоронения могли принадлежать людям, наделенным властными полномочиями, более высокими, чем у представителей группы 3 — вождей отдельных коллективов, погребения которых встречены на каждом из исследованных могильников¹⁶.

¹¹ Ахмедов 2010б; Kazanski 1994; Айбабин 1990, рис. 37, 1,2; Koch, Périn 2001; Tejral 1997a, abb. 8; Périn 1995, fig. 10; Huet 1995, fig. 1:2.

¹² Погребения короля Хильдерика, знатных воинов в Пуане, Блучине, Зарагиде, Дюрсо, Цибилуме и др.

¹³ Kazanski 2000, fig. 10, 9–10, 12–16; Ахмедов, Казанский 2004, 177, рис. 9, 8–9; Ахмедов 2007, 147–148;

¹⁴ Werner 1962, taf. 56, 41; Tejral 1997b, fig. 17: 4; Menghin 1994/95, abb. 11; Bóna, Nagy 2002, taf. 18, 7; 29, 5; 30, 3; 37, 3; 40, 7, 46, 15; 50, 2.

¹⁵ Ахмедов, Казанский 2004, 173–179; Ахмедов 2007, 151–152.

¹⁶ Ахмедов 2007, рис. 30; Ахмедов 2010б, 109–110.

Комплексы этих двух погребений являются экстраординарными не только для рязано-окских древностей, но и для всех культурных групп поволжских финнов. Состав погребального инвентаря по категориям близок германским комплексам уровня 1б по Ф.Бирбрауэру, которые, по его мнению, «несколько» беднее «княжеских» захоронений Западной и Центральной Европы. В то же время комплекс 525 могильника Борок 2 по уровню приближается к «княжеским», отличаясь лишь отсутствием в нем золотых изделий. Золото вообще практически не известно в мужских комплексах рязано-окских могильников. Можно указать только на пару позолоченных обувных пряжек из погребения 110 могильника Борок 2. Роль престижного индикатора выполняло серебро, количество изделий из которого в середине V века резко повышается. В конце V века его начинают имитировать, большая часть деталей поясов с декором в виде стилизованных головок птиц изготовлены из цветных сплавов с последующим лужением оловом. Известны подобные случаи и в других регионах Восточной Европы. Так в комплексе из Обояни, входящем в один ряд с такими престижными «княжескими» комплексами как Круглица-Поршнино, Киевский клад и др., крупная гривна византийского происхождения изготовлена из медного сплава и позолочена.

Находки римских монет в рязанских древностях, как уже было указано, также чрезвычайно редки. В комплексах известна лишь одна фрагментированная монета (денарий) Антонина Пия в погребении первой половины V в., откуда происходят также крестовидная фибула и набор престижной узды с серебряными деталями¹⁷.

Облик инвентаря элитных погребений рязано-окского населения свидетельствует о том, что в гуннское и постгуннское время эта группа поволжских финнов не просто была знакома с представлениями о внешних признаках социальной иерархии элиты зарождающихся «варварских» королевств, но и находилась в непосредственном контакте с носителями этой системы маркеров.

При реконструкции возможных направлений контактов рязано-окских финнов, результатом которых было появление столь значительного количества импортов центральноевропейского происхождения, важны следующие соображения.

В соседнем регионе в верхнем течении Дона изучена группа памятников, рассматриваемая исследователями как один из центров гуннского управления в Восточной Европе, в культуре населения которого наряду с другими ярко проявляются и восточногерманские черты. Известно здесь и погребение женщины высокого социального статуса, сопоставимое по инвентарю с захоронениями знатных женщин из среды гуннских федератов (Городище Мухино 2). Возможно, часть «престижных» предметов и представления о статусных категориях вещей могли поступать к населению среднего течения р. Оки через этот центр. Об этом косвенно свидетельствуют отдельные находки рязано-окского облика, сделанные на этих памятниках¹⁸.

Однако в указанной группе памятников отсутствует многие характерные для периода 3С рязанских финнов категории находок, связанные с поясными гарнитурами с декором в виде птичьих голов, а также такими деталями убора как гривны типа «Мамекино», фибулы серии «Пильвины-Вилконис» и др. В этом контексте более продуктивным представляется исследование другого направления контак-

¹⁷ Akhmedov 2002, 11–30.

¹⁸ Обломский 2004, 163–166; Гавритухин, Обломский 2007, 77–79, 92.

тов, ведущее в верхнее Поочье и Верхнее Поднепровье. На связь этих территорий со Средним Поочьем указывал еще А. К. Амброз. Это предположение, основанное на близости предметов поясного убора из находок на Средней Оке и Верхнем Поднепровье (Демидовка, Хотыща), в настоящий момент получило дополнительные аргументы. Они связаны с новыми находками в Среднем и Верхнем Поочье и Верхнем Поднепровье деталей поясных уборов «верхнеднепровской ювелирной школы» по А. К. Амброзу. В Верхнем Поочье это еще и новые находки крестовидных рязано-окских фибул и выявленная в этом регионе серия самобытных фибул, представляющих собой переработки фибул серии «Вилконис — Пильвины», изготовленных под влиянием рязано-окской традиции¹⁹.

Для дальнейшего исследования проблемы следует определить место медальонов и монет в системе признаков социальной иерархии в сообществах варваров Центральной Европы в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов.

Медальоны в Барбарикуме начинают широко распространяться в середине — второй половине III в., когда германцы входят в сферу политического влияния Римской империи, что ярко представлено в инвентаре среднеевропейских погребений горизонта Лейна-Хасслебен-Закшув. В них захоронены представители германской элиты, так или иначе связанные с римской армией. Эти медальоны представлены золотыми экземплярами. По подсчетам А. Бурше, медальоны, выпущенные в 220–268 гг., имели достоинство от 2 до 4 ауреусов, с 294 по 430 гг. — от 2 до 40 солидов, а одно из подражаний медальону Валента соответствовало 72 солидам. Эти предметы были своего рода статусными украшениями, которые представители варварской элиты получали от имперского двора в качестве даров или наград. В Восточной и Юго-Восточной Европе подобные находки сосредоточены на Воляни, где связаны с готскими центрами власти и Семиградье, на территориях гепидов²⁰.

В погребениях черняховской культуры также известны подвески, изготовленные из римских монет. Б. В. Магомедов указывает, что они использовались в качестве украшений и более характерны для юго-западных регионов ареала черняховской культуры. Преимущественно это серебряные денарии II в. Есть две находки золотых монет-подвесок — Аврелиана в кладе из Грушевицы (Буковина) и Констанция II в п.39 могильника в Бырлад-Валя Сяке; известны подвески, изготовленные из антонианов Галлиена (Вильшанка, Петрикивцы), Констанция II (Лецкань), Юлиана Апостата (Могошань) и из бронзовых монет — чеканки Виминациума сер. III в., Требониана Галла (Малополовецкое), времени Константина (Могошань)²¹.

Традиция ношения золотых монет в качестве медальонов жила в среде элиты ранних «варварских» королевств и в более позднее время. В знаменитом погребении короля Хильдерика в Турне было около трехсот серебряных и золотых римских монет, причем золотые монеты чеканены в диапазоне от Федосия II до Зенона (408–491 гг.). Часть их имела отверстия, а в одном случае ушко для под-

¹⁹ Амброз 1970, 70–74; Фурасев 2000, 24–25; Ахмедов, Казанский 2004, 175–176; Ахмедов 2008, 15–16.

²⁰ Bursche 1999, 123–127, 160, 179, 207–209, 217–219; Щукин 2007, 363; Козак 1999, 80–93.

²¹ Магомедов 2001, 73.

вешивания²². В погребении знатной дамы из собора в Кельне в состав ожерелья входило семь золотых медальонов с ушком, сделанных из солидов Валентиниана I (2 экз.), Гонория, Анастасия I (3 экз.), Юстина I, а на отдельной золотой цепи был подвешен медальон, изготовленный из солида Феодосия II. Это погребение, совершенное между 530–540-ми гг. или во второй четверти VI в. в целом²³, некоторые исследователи связывают с Визигардой, дочерью лангобардского короля Вахо, второй женой короля Австразии Теодеберта I.

К этому же времени относятся женские погребения с золотыми медальонами, изготовленными из солида Феодосия I, подражания солиду Зенона (п. 80) и триенса Зенона (п. 84)²⁴ в тюрингском могильнике в Веймаре

Для второй половины VI в. существует описание Григорием Турским показанных ему королем Хильпериком I золотых медальонов императора Тиберия Константина весом в фунт каждый, выпущенных по поводу восшествия на престол в 578 году. Они были привезены Хильперiku в 581 году вместе с другими дарами вернувшимся из Константинополя франкским посольством (Григорий Турский 1987, кн. VI, 2. с. 158–159)

Подобный золотой медальон Анастасия I, изготовленный в конце V — начале VI вв., входил в состав клада, найденного предположительно в Сирии. Он носился на цепи сложного плетения с застежкой, в которую были вставлены солиды Зенона и Анастасия. Выпадение клада относится к середине — второй половине VI в. по находке в его составе солидов Юстиниана I, вмонтированных в застежку другой цепи²⁵.

Медальоны из римских золотых монет использовались в Западной Европе еще достаточно долго: в п.9 могильника Ниденштейн — Киршберг в северном Гессене, датируемом концом VII — началом VIII вв., найден медальон с отломанным ушком, сделанный из солида Магненция (350–353 гг.)²⁶.

У лангобардов в Среднем Подунавье, в Северной Европе и особенно широко в Скандинавии в последние десятилетия V в. роль таких медальонов начинают выполнять брактеаты, на которых прототипы — изображения императоров на римских медальонах — перерабатываются в соответствии с языческими германскими представлениями²⁷.

Из воинских элитных комплексов с медальонами и монетами эпохи Великого Переселения народов и раннемеровингского времени, близких по времени погребению из могильника Борок 2, происходят следующие находки. В среднем течении р. Дунай и его притоков, на остатках дунайского лимеса и в сопредельных районах: медальон, изготовленный из солида Валенса 375 г. в погребении германского вождя в Попрад-Матейовице в Словакии; варварское подражание солиду Феодосия II 443 г. в воинском погребении в Эрмихальве в Семиградье; денарий Тита в воинском погребении в Тиссалек; золотые солиды Феодосия II в погребении в Шексард, в Бине, Каполнок-Моностор и Шароспетак-Вегардо в Венгрии,

²² Périn, Kazanski 1996, band I, 173–182, abb.131.

²³ Wiczorek, Périn, Welck, Menghin 1996, band I. 216–218, abb. 153; band II, katalog. VI. 2. 4. k. t. 932–933.

²⁴ Menghin 2007, kat. V.3.11, 5–6; V.3.13.5, 397, 400.

²⁵ Ross 1962, cat. №179A; Засецкая 2010, 133, 137, табл. 3, 4–6.

²⁶ Wiczorek, Périn, Welck, Menghin 1996, band II, katalog. V.5.24, d. 918.

²⁷ Werner 1962, taf. 7, 6–9; 42, 3–4; 47, 1–2; Axboe 2004.

а также в погребении воина в Змаевац в Хорватии. Весьма интересна и показательна находка клада в Старчево в западном Банате в округе Сингидунума. В его состав входили статусные вещи: золотые монеты и медальоны, три золотых римских фибулы с луковичными головками, золотые гривна и серьги, а также серебряное блюдо. Многочисленны находки золотых солидов и медальонов из них известны на австрийском участке лимеса²⁸.

На рейнском лимесе и прилегающим к нему территориям можно указать на воинские погребения: в Хаммельбурге, в Баварии с двумя серебряными монетами Феодосия I и Феодосия II; в Вольфсхайме в Висбадене с солидом Валенса; с серебряной монетой римской республики в п.9 могильника Флонхайм; с солидом Льва I в п.1 могильника Планиг в Пфальце; с золотыми подражаниями солидам Анастасия I в погребениях воинов 1782 и 2091 могильника Крефельд-Геллеп в Нордрейн-Вестфалии; с бронзовой монетой или медальоном Флавия Валерия Севера 305–307 гг. в погребении 13 могильника Хайло в Бельгии. Триенс Зенона был найден в п.319b могильника Лавуа в Лотарингии, из п.194 этого же могильника происходят две серебряные монеты (Валентиниана и Юстина I, равеннской чеканки Теодориха) и золотой солид Юстина. Триенс Зенона был обнаружен в п.68 могильника Шарлевилль-Мезье в Арденнах. Из находок на других территориях можно упомянуть золотой медальон с ушком, сделанный из солида Феодосия II, который входил в состав богатого погребения в Эвебо в Норвегии²⁹.

Приведенный выше краткий обзор показывает, что наличие в воинских комплексах монет и медальонов характерно для групп «варваров», находившихся в непосредственной близости к границам Империи или занявших ее бывшие территории. Для нашей темы важно и то, что наряду с золотыми монетами используются и серебряные, и бронзовые, причем длительное время (денарий Тита в Тиссалеке и бронзовая монета или медальон Флавия Валерия Севера в Хайло). Эти факты свидетельствуют о том, что медальон Септимия Севера, найденный на р. Оке, мог долгое время использоваться на границах Империи, судя по найденным вместе с ними вещам, скорее всего в районах дунайской и южного отрезка рейнской части рейнского лимеса. Эта находка на фоне достаточного большого массива центральноевропейских импортов, найденных на Средней Оке, дает дополнительные аргументы в пользу гипотезы о присутствии в лесной зоне Центральной России групп переселенцев из районов Среднего и Верхнего Дуная.

Совершенно неожиданным образом тема использования медальонов рязано-окскими финнами получила развитие в материалах, связанных с финальной фазой этих древностей. Во время полевых работ 2009 года на городище у с. Терехово, расположенном в нескольких километрах к СЗ от могильника Борок 2, в культурном слое первой половины VII в. была обнаружена необычная находка. Это круглый односторонний медальон размерами 2,9 x 2,8 см, отлитый из цветного сплава. На лицевой стороне изображен бюст мужчины, развернутый вправо. Достаточно хорошо прослеживаются голова с венком на волосах, лицо и борода,

²⁸ Pieta 2009, 107–122, abb.12; Menghin 1983, kat. 6, 186, kat. 21; Bona 1991, taf. 27, 31, 33, farb. taf. 33; Méri 2000, 121, abb.7, 5.; W.Menghin, T. Springer, E. Wamers 1988, 302–303, kat. V,13, taf.21 taf. 37–39; Bugarski 2008, 40, fig.2;

²⁹ Menghin 1983, kat. 21, 196, kat. 22, 198, kat. 26, 202, kat. 44, 216, kat. 46, 218, kat. 51, 220–221, kat. 56, 224–225, kat. 68, 231; Koch, Périn 2001, cat. 15, 10.

шея и грудь сохранились хуже. Под изображением бороды видно пятно коррозии. По краю проходит плоский рельефный валик, покрытый кавернами — дефектами некачественной отливки. Над головой изображения просверлено отверстие, вокруг которого видны кольцевые риски, смещенные влево и вниз, вероятно, повреждения поверхности лицевой части медальона в процессе ношения. Края отверстия скошены внутрь, что свидетельствует о том, что медальон, скорее всего, был односторонним. Левый нижний край его обломан. На обороте видны следы абразива, которым заглаживали дефекты отливки и углубления с пятнами коррозии внутри, вероятно, вызванные нехваткой металла при отливке медальона.

Судя по всему, медальон был изготовлен по оттиску в открытую форму. Анализы металла, проведенные экспертом Государственного Исторического музея А. Будниковым методом рентгено-флюоресцентного анализа, по основным элементам показали следующее сочетание: лицевая сторона — Pb — 84.19, Sb — 11.31, Sn — 4.50; боковая сторона на сломе — Pb — 83.60, Sb — 11.43, Sn — 4.97; оборотная сторона — Pb — 83.46, Sb — 10.97, Sn — 5.57. Состав сплава не типичен для изделий из оловянисто-свинцовых сплавов лесной зоны Центральной России третьей четверти I тыс. По данным Е. Ю. Тавлинцевой для серии находок этого времени из полностью изученного автором Никитинского могильника характерны сплавы на основе олова с содержанием свинца от 6 до 44%, содержание сурьмы колеблется от 0.01 до 0.2. Близкая картина получена и для изделий из оловянистых сплавов из двух кладов круга так называемых «древностей антов», найденных у с. Гапоново и у с. Великие Будки. Данные проведенных А. М. Будниковым анализов четырех изделий из свинцово-оловянистых сплавов, найденных в составе клада круга «древностей антов» с Елшинского (Чортово) городища Пронского района Рязанской области весьма близки вышеуказанным³⁰.

Совпадение размеров, формы и изображения позволяет предположить, что первоначальной моделью для отливки экземпляра из Терехово был медальон, обнаруженный в могильнике Борок 2. В процессе дальнейшего использования формы или оттисков реплик, легенда была утрачена, а точечный ободок превратился в плоский валик.

Медальон связан со слоем гибели городища в пожаре середины VII в. н.э. К этому времени относятся находки фрагментов костяков погибших людей, различных предметов личного убора, наконечников стрел, ошлакованной в пожаре керамики. После этой катастрофы жизнь на городище возобновилась лишь в IX–X вв.³¹

Эта уникальная находка позволяет предположить, что на протяжении почти двухсот лет реплики с попавшего на р. Оку римского медальона входили в убор представителей элитной группы рязано-окских финнов. Этот факт позволяет выдвинуть предположение, что идеи «Imitacio Imperii», воплощенные в системе внешних признаков социальной иерархии знати зарождающихся «варварских» королевств Центральной и Западной Европы, не только были знакомы местному населению, но и стали составной частью его идеологии.

³⁰ Любезное сообщение Е. Ю. Тавлинцевой, эмиссионно-спектральный анализ выполнен аналитиком А. Н. Егорьковым в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН; Горюнова 1992, 135; Егорьков, Щеглова 2000, 55–61.

³¹ Ахмедов 2010в, 13–14, рис. 11–12.

Рис. 3. Медальоны Септимия Севера с титулом IMP. III (по Гнесчи 1912, II)

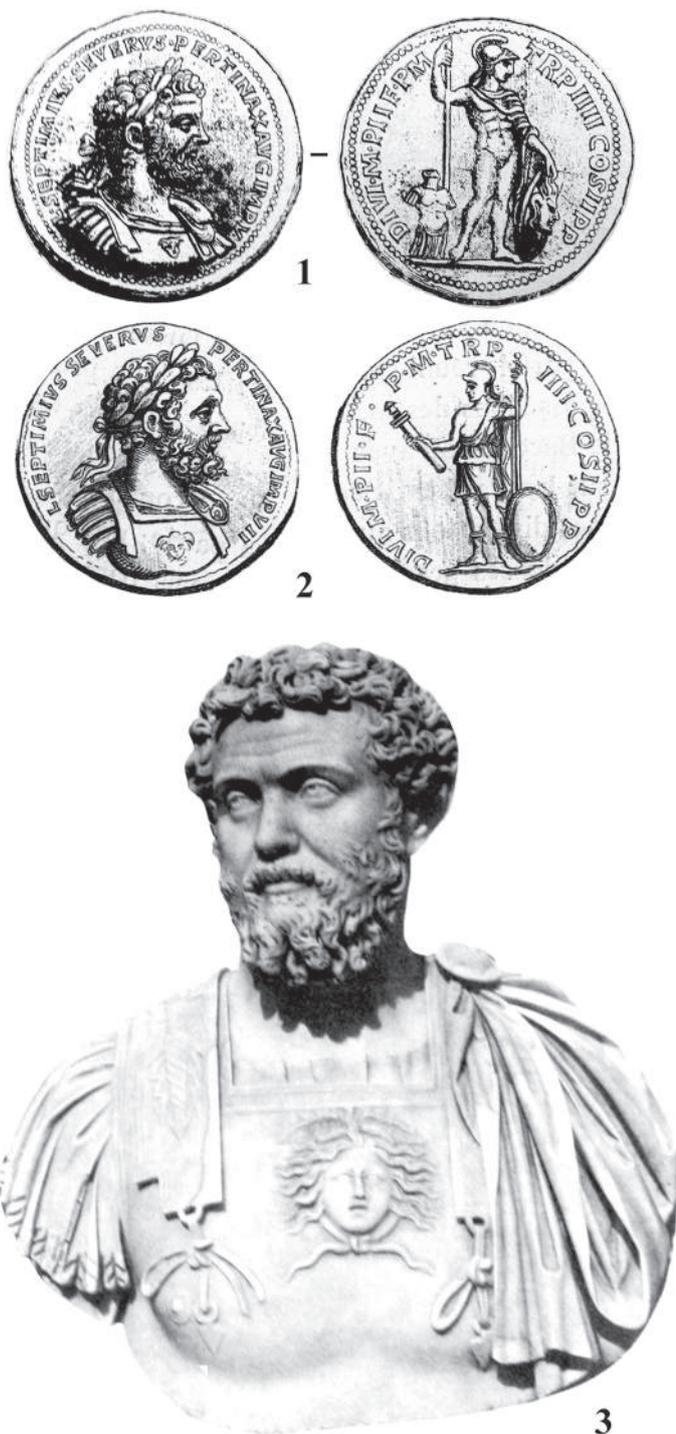

Рис. 4. 1, 2 — медальоны Септимия Севера с титулами IMP. V и IMP. VII (по Froeener 1878); 3 — бюст Севера в лорике с эгидой на груди (по Bastien 1994)

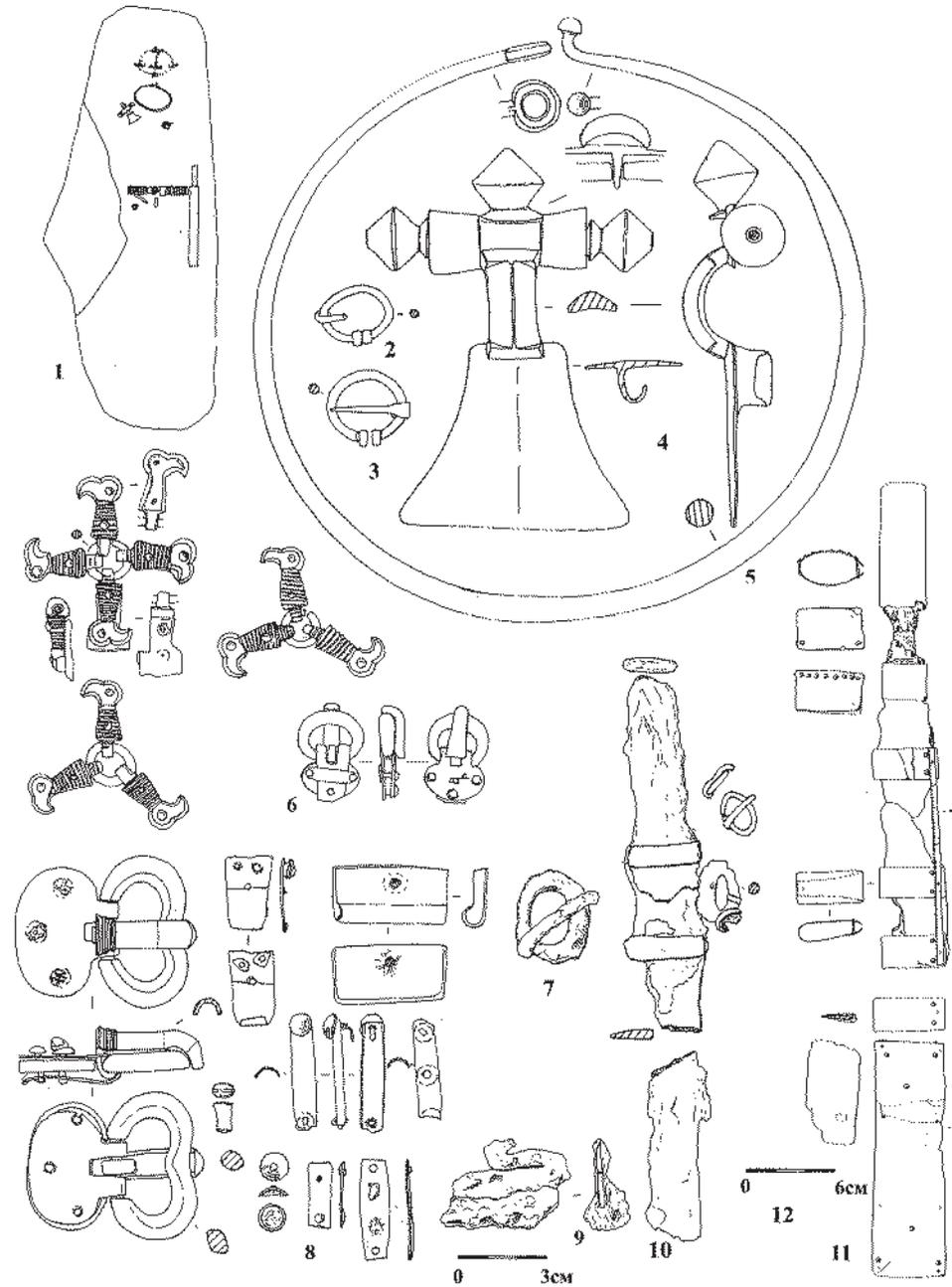

Рис. 5. Погребение 525 могильника Борок 2. 1 — План погребения по рисунку А. Н. Гаврилова и А. П. Гаврилова, 2-3 — застёжки-сюльгамы, 4 — фибула, 5 — гривна, 6 — гарнитура головного убора, 7 пряжка, 8 — поясной убор, 9 — кресало, 10 — нож, 11 — однолезвийный меч в ножнах, 12 — масштаб к № 11. 2-5 — белый металл, 7,9 — железо, 10 — бронза, железо, 11 — железо, белый металл, 8 — белый металл, оловянно-свинцовый сплав, 6 — белый металл, кожа. 2-11 — рисунок с оригинала.

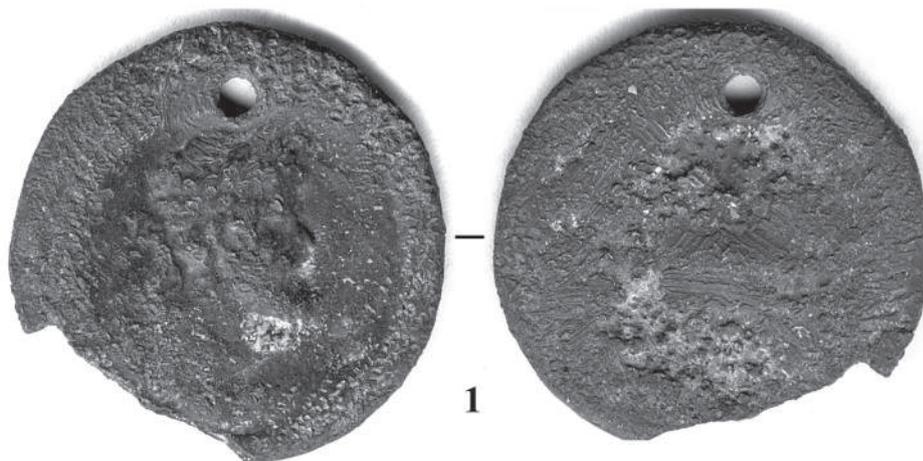

Рис. 6. Медальон, найденный на городище Терехово. Сплав на основе свинца

Рис. 7. Медальон из погребения 525 могильника Борок 2

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г.* 1995: Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.
- Айбабин А. И.* 1990: Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I.
- Амброз А. К.* 1970: Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи. МИА, 70–74.
- Ахмедов И. Р.* 1998: Рязано-окские крестовидные фибулы // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Материалы научной конференции. Саранск, 58–61.
- Ахмедов И. Р.* 2006: Крестовидные диадемы в Восточной Европе в эпоху Великого Переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов / Р. Д. Голдина (ред.). Ижевск, 157–164.
- Ахмедов И. Р.* 2007: Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. // Раннеславянский мир / И. О. Гавритухин, А. М. Обломский (ред.). Вып. 9, 137–185.
- Ахмедов И. Р.* 2008: Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху Римских влияний и Великого переселения народов / А. М. Наумов (ред.) Тула, 7–27.
- Ахмедов И. Р.* 2010а: «Свев» из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в.н.э. // РА. 1, 26–37.
- Ахмедов И. Р.* 2010б: К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов по материалам могильника у села Никитино // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов / А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин (ред.). Тула, 105–137.
- Ахмедов И. Р.* 2010в: Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (К современному состоянию вопроса) // Раннеславянский мир. 13, 7–34.
- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В.* 1998: О месте фибул в рязано-окских могильниках. Постановка вопроса // Археологические памятники Среднего Поочья / В. П. Челябинов (ред.). Вып. 7, 105–122.
- Ахмедов И. Р., Казанский М. М.* 2004: После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова / В. М. Горюнова, О. А. Щеглова (ред.). СПб, 168–202.
- Ахмедов И. Р.:* Короткие однолезвийные мечи из Никитинского могильника // Germania-Sarmatia / О. А. Радюш (отв. ред.). Вып. 2. Калининград; Москва. (в печати.)
- Гавритухин И. О., Обломский А. М.* (ред.) 2007: Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9. М.
- Горюнова В. М.* 1992: Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические Вести. Вып. 1. СПб, 126–140.
- Егорьков А. Н., Щеглова О. А.* 2000: Состав свинцово-оловянных сплавов раннеславянских кладов «древностей антов» // Археометрия та охорона культурної спадщини / В. П. Дудкин (ред.). Вып. 4. Киев, 55–61.
- Засецкая И. П.* 2010: Михаэльсфельд — эталонный памятник раннего средневековья. (К вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // Археологический сборник. Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти Я. В. Доманского / А. Ю. Алексеев (ред.). Вып. 38. СПб, 123–159.

- Засецкая И. П.* 1993: Материалы Боспорского некрополя второй половины IV–первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. III, 23–109.
- Козак Д. Н.* 1999: Готски скарби Волині початку раннього середньовіччя // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.э. / Р. В. Терпиловський (ред.). Киев; Львов, 80–93.
- Кропоткин В. В.* 1961: Клады римских монет на территории СССР. М.
- Магомедов Б.* 2001: Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta Studia Gothica). Том I. Lublin.
- Обломский А. М.* 2004: Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени // Раннеславянский мир. 6. М.
- Фурасьев А. Г.* 2001: О датировке и происхождении одной группы пряжек эпохи Великого переселения народов // Сообщения Государственного Эрмитажа. LIX СПб., 24–27.
- Щукин М. Б.* 2007: Готский путь. СПб.
- Akhmedov I.* 2007: “Cross-like diadems in the Great Migration epoch (Preliminary Communication) // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit. Spisy Archeologického Ústavu AV ČR / J. Tejral (hrsg.) Brno. 26, 263–274.
- Akhmedov I. R.* 2002: Cheek-pieces and elements of harness with zoomorphic decoration in the Great Migrations period // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonaurum. Spisy Archeologického Ústavu AV ČR / J. Tejral (hrsg.) Brno. 19, 11–30.
- Axboe M.* 2004: Die Goldbrakteaten der Völkerwanderungszeit-Herstellungsprobleme und Chronologie. Berlin; New York.
- Bastien P.* 1994: Le Buste monétaire des empereurs romains. Vol. III. Wetteren.
- Bóna I.* 1991: Das Hunnen reich. Stuttgart.
- Bóna I., Nagy M.* 2002: Gepidische Gräberfelder am Theissgebiet. I. Budapest.
- Bursche A.* 1998: Złote medaliony rzymskie w Barbaricum. Symbolika prestiżu i władzy społeczeństw barbarzyńskich u schyłku starożytności. Warszawa.
- Cohen H.* 1930: Description historique des monnaies frappées sous l’empire romain communément appelées médailles impériales. Continuée par Feuardent. Deuxième édition. 4. Leipzig.
- Fræener W.* 1878: Les médaillons de L’Empire romain depuis le regne d’Auguste jusqu’a Priscus Attale. Paris.
- Gnecchi F.* 1912: I medaglioni Romani. I–III. Milano.
- Huet Ch.* 1995: La tombe de chef mérovingien de Louvres. // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / F. Vallet, M. Kazanski (éds.). Condé-sur-Noireau, 303–308.
- Ivanišević V., Bugarski I.* 2008: Western Banat during the Great Migrations Period. In The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman period and the Migration period. Monumenta Studia Gothica / B. Niezabitowska-Wiśniewska, M. Juściński, P. Łuszczewicz, S. Sadowski (eds.) T. V. Lublin, 39–61.
- Kazanski M.* 1994: Les plaques-boucles mediterraneennes des Ve-VIe siecles // Archeologie medievale, 24. 137–198.
- Kazanski M.* 2000: La zone forestière de la Russie et l’Europe centrale à la fin de l’époque des Grandes Migrations // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. / M. Maćczyńska, T. Grabarczyk (hrsg.) Lodz, 406–459.
- Kent J. P. C., Obeveck B., Stylow A. U.* 1973: Die Römische münze. München.
- Koch U., Périn P.* (eds.) 2001: L’Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. Exposition du 27 septembre 2000 au 8 janvier 2001 au musée des Antiquités Nationales. Paris.
- Lanz H.* (hrs.) 2000: Auktion 100. Sammlung Leo Benz. Numizmatik Lanz München.
- Menghin W.* 1983: Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart.

- Menghin W.* 1994/1995: Swhwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. 26/27, 140–191.
- Menghin W.* 2007: Эпоха Меровингов — Европа без границ. Каталог выставки. Berlin.
- Menghin W., Springer T., Wamers E.* (hrsg.) 1988: Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Volkerwanderungszeit. Katalog. Nurnberg.
- Méri I.* 2000: Hunkori leletek Tiszalök-Rázompusztáról // *Communicationes Archaeologiae Hungariae*, 109–122.
- Périn P.* 1995: Les tombes de “chefs” du début de l’époque mérovingienne. Datation et interprétation historique // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle* / F. Vallet, M. Kazanski (éds.) Condé-sur-Noireau, 247–301.
- Périn P., Kazanski M.* 1996: Das Grab Childerichs I // *Die Franken — Les Francs* / A. Wiczorek, P. Périn, K. von Welck und W. Menghin (hrsg.). I. Mainz, 173–182.
- Pieta K.* 2009: Das germanische Fürstengrab aus Poprad-Matejovice/ Glaube, Kult und Herrschaft. Phänomene des Religiösen im 1 / Jahrtausend n. Chr. In *Mittel- und Nordeuropa* / U. Von Freeden, H. Friesinger, E. Wamers (hrsg.). Bonn, 107–122.
- Ross M. C.* 1962: Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 1. Washington.
- Tejral J.* 1997b: Neue Aspekte der Fruchvolkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mitteltren Donauraum* / J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski (éds.). Brno, 321–392.
- Tejral J.* 1997a: Les fédérés de l’Empire et la formation des royaumes barbares dans la region du Danube moyen à la lumière des données archéologiques // *Antiquités Nationales*. 29, 137–166.
- Werner J.* 1962: Die Langobarden in Pannonien . München.
- Wiczorek A., Périn P., Welck K., Menghin W.* (hrsg.) 1996: Die Franken — Les Francs. Band I–II. Katalog. Mainz.

SEPTIMIUS SEVERUS MEDALLION FROM THE OKA AREA

I. R. Akhmedov

The article deals with a bronze medallion of Septimius Severus found in the burial ground in the Borok 2 Necropolis. The medallion is dated to AD 194. The necropolis belonged to Ryazan-Oka Finns who lived in Ryazan area of the Oka in the early 7th century AD. The grave goods testify that the dead man was of the highest social status in the local hierarchy. The medallion is undoubtedly the subject of prestige. The majority of artefacts found together with the medallion also came into central Russia from Central Europe due to the cultural impulse in Central Europe of the late 5th century preceded by the collapse of the Huns Empire. Central Russia forest zone boasts the only find of the kind that, alongside prestigious adornments, weapons, and bridle, bears witness to the local population familiarity with “Imitacio Imperii” ideas of Central and West European culture during Great Migration and in the early Middle Ages. The medallion also testifies that the Finns of the Ryazan-Oka area to some extent adopted the idea of “Imitacio Imperii”.

Key words: Rome, medallion, Septimius Severus, Finns.